

Драма противостояния

Космоцентризм деревенской и техноцентризм городской культур

Чеслав КИРВЕЛЬ,
доктор
философских
наук, профессор

Три последних столетия человеческой истории характеризуются прогрессом техногенной цивилизации, которая, возникнув в Западной Европе, стала интенсивно распространяться по всему миру. Экспансия техногенной цивилизации повсеместно сопровождалась драматическими столкновениями с устоями и духовно-ценностными основаниями космоцентрических традиционных обществ. Одни из них, несмотря на всю свою уникальность и неповторимую культуру, были уничтожены или поглощены, другие, испытав на себе давление западной технологии, пошли по пути частичного заимствования (догоняющей модернизации), превратившись в некие гибридные образования. Третьи стали или продолжают становиться всего лишь сырьевыми придатками, рынками дешевой рабочей силы и сбыта третьесортных товаров.

Потрясающие воображение успехи западной цивилизации в технико-технологических достижениях, в материальном производстве, в обеспечении населения огромным количеством неизвестных ранее потребительских товаров и услуг порождали представление, что именно она и является магистральным путем развития человечества. Еще несколько десятилетий назад мало кто предполагал, что он является тупиковым, ставящим под сомнение само существование людей как биологического вида.

Ныне человечество напряженно ищет новые пути своего социокультурного развития. Этот поиск осуществляется в различных областях культуры – в философии, искусстве, религии, науке. Речь идет о необходимости новой мировоззренческой, ценностной революции, равной по значению и масштабам, но принципиально отличной по своему содержанию от той, которая произошла в эпоху Возрождения и Нового времени. Нужен пересмотр идеалов, ориентированных на силовое преобразование окружающего мира, и выработка новых общезначимых ценностей.

Основанное на них гипотетическое общество уже получило много названий (постэкономическое, постлиберальное, постиндустриальное, ноосферное, духовно-экологическое, общество с устойчивым развитием и т.д.), но основные его очертания

и контуры еще, к сожалению, весьма неопределенны. Пока ясно одно: это новое общество должно преодолеть ориентированное на получение максимальной прибыли бездушно-механическое хозяйствование, разрушающее биосферу, и достичь равновесия между естественными условиями, человеком и результатами его деятельности.

В контексте осмысления всех этих фундаментальной важности проблем совершенно в новом ракурсе встает вопрос о достижениях, опыте и специфике развития традиционных обществ, так бесцеремонно отвергнутых техноцентрической цивилизацией, в частности, крестьянской космобиосфероцентрической культуры, господствовавшей повсеместно в течение длительного ряда тысячелетий, но при этом существенно не нарушающей природное равновесие.

Мы убеждены, что утверждение духовно-экологической цивилизации, ориентированной на коэволюцию природы и человека, духовно-нравственные основания общественного развития, невозможно без некоторого рода «архаической экспансии» (разумеется, экспансии не в смысле утверждения неоварварства, «цивилизационного варварства», что сегодня, кстати сказать, весьма наблюдаемо в нашем мире, а экспансии в смысле сохранения и умножения всего позитивного, что было достигнуто древними традиционными культурами), выхода на историческую арену древнейших

основ человеческого бытия, в том числе и без возрождения многих (само собой понятно, наполненных новым содержанием) сущностных элементов крестьянской космобиосфероцентрической культуры.

Дело в том, что будущее не является простой экстраполяцией сегодняшних норм и традиций. Может случиться так, что культурные достижения и опыт предшествующих поколений, сегодня признанные «несовременными», как раз и окажутся в числе наиболее перспективных на новом витке исторического развития. Вообще, неспособность испытывать уважение к достижениям традиционных цивилизаций – опасная болезнь современности, особенно если учесть то, что сама эта «современность» оказалась в бесчеловечном тупике.

Прав российский исследователь А.С. Панарин, утверждающий, что постиндустриальное общество не может возникнуть как результат простого углубления индустриальной эпохи, а будет представлять собой развитие по закону «отрицания отрицания», ознаменуется парадоксом «возвращения» к некоторым «исконным», традиционным принципам человеческого существования, явится результатом тотального преобразования ценностного типа, включая новые принципы жизнестроения, открывающие долговременную перспективу для всех, а не для одних только потребительских обществ Запада, что механизм постиндустриального сдвига лежит не в сфере технологий, а в сфере человеческого духа, в системе ценностей [1, с. 224].

Усиление внимания в конце XX – начале XXI века к такому таинственному феномену традиционного общества, как крестьянство, на первый взгляд может показаться несовременным и неактуальным. И, тем не менее, это неоспоримый факт. Он вызван к жизни насущными общественными потребностями, связанными с решением животрепещущих проблем глобального характера.

Растущий интерес к проблеме крестьянства выразился даже в формировании такого крупного научного, междисциплинарно ориентированного направления, как «крестьянствование» (Р. Редфилд, Т. Шанин, Дж. Скотт и др.). Произошло заметное расширение проблематики, обнаружились

Фрагмент советского плаката. 1920-е годы

принципиально новые подходы к крестьянству. Наглядным свидетельством тому явились наметившаяся тенденция выхода за рамки узкоэкономического и социально-политического подходов к анализу сельской жизни, обращение к духовной жизни крестьянства, рассматриваемого как целостное общественное явление.

ДУХОВНЫЙ ОПЫТ ВЕКОВ

Деревенская культура, органично, естественно-исторически складывавшаяся на протяжении многих тысячелетий, со своим экономическим укладом, своей моралью, эстетикой и искусством, со своими специфическими обрядами и т.д., явилась величайшим достижением в развитии человеческого общества. Крестьянство изначально тяготело к естественному укладу жизни, было жестко связано с природно-космическими ритмами и циклами. «Почти все дела сплетались у сельского жителя с природой, а природа ритмична: одно вытекает из другого, и все неразрывно между собой. Человек всегда ощущал свое единство с природой. Это в союзе с нею он создавал сам себя и высокую красоту своей души, обращенную к культуре труда» [2, с. 6]. Крестьянству как особому социальному классу была чужда всякая искусственная «переделка», перевоссоздание окружающей природы и общественной среды, форсированное преобразовательство, резко порывающее с вековыми традициями. К тому же сам характер земледельческого труда в высшей степени предполагает

ОБ АВТОРЕ

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович.

Родился в 1945 году в д. Мякиши Щучинского района Гродненской области. В 1972 году окончил философский факультет Ленинградского государственного университета, в 1976 там же – аспирантуру. В 1977 году защитил кандидатскую диссертацию по философии.

В 1977–1980 годах работал старшим преподавателем кафедры философии в политехническом институте в Комсомольске-на-Амуре. В 1980 году назначен и.о. заведующего, в 1981 году – заведующим кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы.

Доктор философских наук (1990), профессор (1992).

Автор более 200 научных работ, в том числе нескольких монографий. Сфера научных интересов: исследование вопросов цивилизационной динамики, прежде всего в восточнославянских странах, проблем общественного сознания, а также предвидения и прогнозирования будущего человеческого общества.

необходимость стабильности и основательности. В крестьянском труде «все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно друг без друга, всему предназначалось свое место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди... Все, что было лишним, или громоздким, или не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям, – все это отсеивалось временем» [2, с. 6]. При этом единство и цельность не только не противоречили красоте и многообразию крестьянского труда, но и органично его предполагали.

Труд крестьянина изначально полифункционален, чрезвычайно богат по своему внутреннему содержанию, сложен и пронизан эстетическим началом (элементом). Настоящий крестьянин – это и метеоролог, и строитель (архитектор), и зоолог, и ботаник, и медик, и т.д. Практически традиционный (не теперешний специализированный колхозник или фермер) крестьянин – всесторонне развитый человек. Если сознание наемного фабричного рабочего было техносоциоцентричным – он, находясь в постоянном контакте с бездушной машиной, зависит от нее, поневоле осознает себя в качестве «винтика» сложного общества, то сознание крестьянина было в полном смысле космоцентрично – он видел себя частью органического и вечного природно-социального космоса и, исходя из этого, оценивал свое место в мире, свою ответственность и свое отношение к «большому обществу», которое он воспринимал через призму земледельческого труда как внешнюю оболочку.

Крестьянину ни в коей мере не свойственен «профессиональный идиотизм» фабрично-заводского рабочего, выполняющего частичную (иногда просто тараканью) операцию и выступающего придатком машины, ее продолжением и дополнением (там, где звенья машин автоматически не сцепляются друг с другом – туда вклинивается рабочий в качестве живого звена, «колесика», «гайки» технологического процесса с его однообразием стереотипных функций). Неудивительно поэтому, что многие выходцы из деревни в кратчайший срок смогли пополнить потери интеллигенции в России после революции и гражданской

войны, стать выдающимися изобретателями, конструкторами, крупными учеными.

Рассматривая труд землепашца, земледельца как отрасль производительного хозяйства в его отношении к универсальности и синтетичности, следует подчеркнуть, что даже при условии слаборазвитой, рутинной техники земледельческий труд отличается от многих других видов труда сложностью, большим разнообразием, особой пространственно-временной структурой, сочетанием аналитических и синтетических операций. Взять, например, предмет труда крестьянина – поле или ниву. В своей действительности поле, сад, огород – это универсальный предмет труда и одновременно продукт, результат трудовой деятельности человека и естественных процессов природы; это подлинно синтетическое социально-природное образование, которое и обуславливает во многом универсально-синтетический характер труда земледельца. Причем первая особенность этого труда заключается в непреложном (правда, своеобразном) сочетании физических и умственных функций, исполнительных и управленческих усилий.

Примечательно то, что в крестьянском труде важнейшую роль играет так называемое личностное знание. Это такой элемент знания, который формируется вместе с данной личностью в зависимости от содержания и характера деятельности человека, специфических условий его жизни. Элемент личностного знания имеет место во многих видах человеческой деятельности. Однако особенно велико его значение в тех видах труда, где условия его осуществления могут неожиданно изменяться, где предмет труда и средства труда несут в себе элемент непредсказуемости, обладают известной степенью самостоятельности.

Несмотря на всю тяжесть, порой изнурительность сельскохозяйственного труда, земледельцы не только смогли сохранить свой человеческий облик, но и создать свою неповторимую материальную и духовную культуру, непреходящие морально-нравственные ценности, необычайно высокий уровень организации праздника и досуга.

Думается, что одним из важнейших стимулов деятельности земледельца явился на редкость богатый эстетический потенциал

этого исторически всеобщего вида человеческой деятельности. Раскрывая «тайну», которая дает такому труженику силы, мужество и нравственную крепость в его нелегком труде, известный русский писатель второй половины XIX века Г.И. Успенский писал: «А тайна эта поистине огромная и, думаю я, заключается в том, что огромнейшая масса русского народа... до тех пор сохраняет свой могучий и кроткий тип, покуда над ним царит власть земли, покуда в самом корне его существования лежит невозможность ослушания ее повелений, покуда они властвуют над его умом, совестью, покуда они наполняют все его существование... Оторвите крестьянина от земли, от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, — добейтесь, чтобы он забыл «крестьянство» — и нет этого народа, нет народного мирозерцания... Наступает душевная пустота». И далее «...владычествующая над ним земля и труд, к которому она обязывает, наполняют все его существование, объясняют ему необходимость и надобность каждого шага, каждого поступка, каждого помышления» [3, с. 213, 216, 217]. И эта «...деспотическая власть «любящей» мужика матери-земли, обязывавшая его тяжким трудом и вместе с тем облегчавшая этот труд, делая его интересом всей жизни, давая возможность в нем же находить полное нравственное удовлетворение» [3, с. 220].

Кроме того, здесь надо учесть длительный и обширный духовный опыт крестьянства. Каждый, даже неграмотный, крестьянин владел богатейшим миром высокохудожественных образов, накопленных поколениями его предков, который составляли сказки, предания, песни, обычаи, традиции и многое другое. Это нередко позволяло ему быть более духовно и эстетически развитым в сравнении с городским рабочим, свое свободное время проводящим в трактире или баре и, в лучшем случае, читающим примитивные газеты и дешевые журналы.

Особенность эстетической природы земледельческого и животноводческого

А.Г. Венецианов.
«Жнецы».
Вторая половина
1820-х годов

труда, внутренне присущей ему красоты в том, что он в значительно большей мере, чем многие другие виды деятельности, сопряжен с нравственностью, подлинной человечностью. Ибо этот труд, помимо всего прочего, непосредственно связан с живым, с жизнью. Живое (растения, животные) требует к себе специфического, если хотите, совестливого отношения.

Данные особенности крестьянского характера объясняются, прежде всего, самим жизненным укладом крестьянства, предполагающим отношения личностного характера. В отличие от урбанизированного общества, в котором отношения между людьми по необходимости носят в основном безлично-функциональный характер, опосредуются целой армией чиновников, юристов и т.п., в деревне, где люди знают друг друга в лицо, личностные отношения являются абсолютно доминирующими, выступают как естественные и органичные.

Высокий духовно-нравственный потенциал традиционной крестьянской культуры оставлял мало места для всяких видов духовного разложения. «Пьянство в крестьянской среде было чрезвычайным делом. Еще в начале нашего века абсолютное большинство крестьян пили только по праздникам. Были, конечно, на селе пьяницы. Но, как правило, деклассированный люд, глубоко презираемый сельчанами. Рассказы о чуть ли не поголовном пьянстве дореволюционных крестьян являются грубой позднейшей выдумкой». Так пишет о крестьянской культуре известный российский исследователь О.А. Платонов [4, с. 53–54].

Нельзя не согласиться с О.А. Платоновым и относительно того, что сельскохозяйственный труженик, сформировавшийся на традиционных духовно-нравственных ценностях крестьянской общины, по своей натуре был глубоко цельным человеком. «Цельность крестьянина, — пишет он, — обеспечивалась всем духовно-нравственным богатством крестьянской культуры, и любые попытки лишить крестьян каких-либо элементов этой культуры неизбежно вели к деградации личности» [4, с. 53].

Рассматривать крестьян лишь как производителей продуктов питания, а это характерная позиция либералов-западников, крайне односторонне. Деревне

свойственна более важная миссия: воспроизводство целостных универсальных людей, национальной культуры в самом широком смысле этого слова. Деревня веками поставляла государству самых надежных солдат, обеспечивала город здоровой рабочей силой. Крупные ученые, выдающиеся писатели, организаторы производства, военачальники очень часто были деревенского происхождения.

Многие исследователи также отмечали, что к крестьянскому хозяйствованию неприменимы понятия стандартной политической экономии – эксплуатация, рента, доход. У крестьян была своя концепция выгоды. Выгодным для сельского труженика был не доход, а возможность заниматься своим делом и самостоятельно решать свои проблемы. Как утверждал крупный русский ученый-аграрник А.В. Чаянов, именно благодаря этому крестьянское хозяйство оказывалось в кризисных ситуациях более устойчивым, чем хозяйство, ориентированное на доход. Крестьяне в сложных ситуациях могли в течение длительного времени мириться с уменьшением доходов, идти на увеличение усилий без соответствующего вознаграждения.

ДВА ПУТИ РЕШЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА

В ходе исторического развития выявлялось принципиальное различие в отношении к крестьянству в западных странах и в России. Западноевропейский капитализм возник за счет разорения крестьянства и перемалывания большей его части в городской пролетариат. Если коснуться этого вопроса более предметно, то следует заметить, что в древности и в средние века города, хотя и играли важную роль в жизни общества, все же выступали лишь как вкрапленные в абсолютно преобладающее земледельческое население центры развития административной, государственной деятельности. Город и деревня были тогда равно необходимы друг другу и находились в целом в состоянии более-менее устойчивого равновесия, если существенно и нарушающегося, то только в периоды кризисов и смут. При плужном земледелии сельское хозяйство стало продуктивно сотрудничать

с индустриальным развитием города. Такого рода ситуация дала основание выдающемуся русскому ученому Н.Д. Кондратьеву назвать этот тип народного хозяйства двусторонним аграрно-индустриальным, предполагающим устойчивое равновесие между городом и деревней как двумя необходимыми частями единого целого.

Однако постепенно в Западной Европе стала утверждаться чисто городская цивилизация «космополитов», людей, оторванных от национальной почвы, утверждающая господство города над деревней. Если раньше статус человека в обществе определялся его положением в деревне (прежде всего размерами его земельных владений),

то теперь он стал зависеть от занимаемого им положения в городе. В непримиримой борьбе с деревней город стал завоевывать свою доминирующую роль в жизни общества. Вначале этот процесс наиболее рельефно проявился в Италии позднего средневековья, затем он обнаружил себя в чрезвычайно агрессивной форме в Англии, где крестьян сгоняли с общинных земель и тем самым превращали их

Крестьяне-белорусы
в дорожных
костюмах.
1900-е годы

в вынужденных бродяг. Когда таких бродяг ловили, то на их теле выжигали раскаленным железом букву «V» (от vagabond – бродяга). Если же эти люди попадались властям второй раз – их безжалостно казнили. Тем самым крестьян вынуждали селиться в городах, где они по необходимости превращались в городской пролетариат. Так, с одной стороны, формировался неимущий класс промышленных рабочих, а с другой – и за счет, помимо прочего, доходов с захваченных крестьянских земель начала интенсивно развиваться техноцентрическая цивилизация. В результате этого процесса в Западной Европе и Северной Америке крестьянство было сведено к малой части населения, а его духовное, этическое, эстетическое влияние на общество уничтожено [5, с. 43].

Этот новый тип жизни был связан с бурным развитием науки и ее технических воплощений, с постоянно воспроизводившимся в западноевропейском сознании куль-

том власти и силы. Отсюда – абсолютная противоположность духа новоевропейской цивилизации, представляющего мир как машину, крестьянскому хозяйству, его космическому характеру. Идея мира как огромного механизма на удивление глубоко укоренилась в мышлении человека Запада. С самого зарождения экспериментального естествознания термин «мировая машина» (*machine mundi*) становится наиболее часто употребляемым. Ориентация на власть и силу, на полное подчинение окружающего мира и господство над ним обернулась на деле (особенно со времени формирования спекулятивного капитализма) неизвестной ранее формой экспансионизма и агрессии по отношению к неевропейским народам и цивилизациям. Борьба человека с природой как борьба города с деревней стала с этих пор неотъемлемой чертой Запада. Насилием и войнами разрушал Запад общества другого типа и подчинял их себе. В свое время, например, английский парламент создал комиссию из ведущих экономистов для выработки путей разорения индийских ремесленников-ткачей, с которыми не могла конкурировать английская промышленность. Пути эти скоро были найдены, и столь эффективные, что спустя несколько лет позволили генерал-губернатору Индии констатировать: «Дороги Индии усеяны костями разоренных ремесленников» [5, с. 62].

В дореволюционной России ситуация складывалась принципиально иначе. Здесь сохранение крестьянства было не только естественным стремлением самого крестьянства, но и сознательной целью администрации [5, с. 28]. Даже при освобождении крестьян во время реформы 1861 года была, с целью предотвращения пролетаризации деревни, сохранена крестьянская община. Но самое главное заключалось в том, что в России, казалось, был найден реальный путь развития сельского хозяйства в условиях индустриального общества. Речь идет о драматической борьбе многих российских ученых и практиков, вошедших в историю под названием «аграрников», за сохранение деревни через кооперацию.

В начале XX века именно Россия стала одним из пионеров сельскохозяйственной кооперации и наиболее продвинутой в этом отношении страной. Быстрое распростра-

нение этой формы добровольного сотрудничества на разных стадиях сельскохозяйственного производства в России явилось защитной реакцией общинно организованной деревни на развитие капитализма и усиление рыночных отношений. Таким путем община противостояла экспансии рыночных форм хозяйствования. Обнаружив удивительную способность сочетаться с кооперацией, традиционная российская община начала своеобразную эволюцию в сторону крупных хозяйств. За неполные 20 лет – с начала столетия до Октябрьской революции – число кооперативов увеличилось в 30 раз и достигло 47 тыс. Они объединяли 14 млн. семей – 84 млн. человек, то есть более половины населения страны [6].

Смысл кооперации заключался в том, чтобы, не ломая мелкого хозяйства, наделить его преимуществами крупного, снять их извечное противоречие. Она соединяла десятки тысяч производителей, позволяя им выстоять в конкуренции как с латифундиями, так и с разного рода посредниками. При этом для этого не требовалось ни создания дорогостоящих производительных мощностей, ни разрушения семейного экологически безопасного хозяйства, традиционного строя жизни (да и смысла жизни) миллионов людей.

Теория и практика сельскохозяйственной кооперации возникли не на пустом месте. Тут, по-видимому, в первую очередь сказались традиции как общественного хозяйствования, так и артельно-кооперативного труда, широко распространенного у восточных славян. Большевицкая историография (как и нынешняя «демократическая») замалчивают факт колоссального успеха кооперативного движения в России в начале XX века, перед революцией, во времена гражданской войны и НЭПа. Кто теперь вспоминает о том, что в Сибири в начале века «кооперативные хозяйства почти полностью вытеснили капиталистические фермы из сферы производства и переработки сельскохозяйственных продуктов – основного вида промышленности Сибири тех лет. Тамашские

На заработки
в Москву.
1910-е годы

кооперативные объединения сумели обзавестись даже собственными пароходами, чтобы без посредников доставлять свою продукцию в Европу. И добились кооперативы этой победы с помощью созданной ими широкой сети кредитных товариществ, по числу которых Россия к 1913 году вышла на первое место в мире. С помощью этих товариществ учреждавшие их кооперативы избавились от грабежа со стороны коммерческих банков» [7, с. 10].

Масштабы кооперативного движения тогда были просто колоссальны. Например, созданные до войны 1914 года кооперативные объединения «Маслоцентр» и «Льноцентр» были крупнейшими мировыми поставщиками масла и льна. Перед войной маслоделие давало больше продукции (в рублях), чем вся русская золотодобывающая промышленность.

Один из складов
«Вологодского
общества сель-
ского хозяйства».
1910-е годы

Во время Первой мировой, а затем и Гражданской войн кооперированные мелкие хозяйства продемонстрировали необычайную жизнеспособность и устойчивость. Не случайно А.В. Чаянов сравнивал кооперацию с промышленным переворотом, на столетия определившим судьбы Европы и всего мира [8]. В самой краткой формуле сельскохозяйственную программу А.В. Чаянова и близких ему по духу мыслителей-аграрников можно охарактеризовать как программу органичного сочетания личностного и общинного – сочетание, которое определяло все ценное и позитивное в аграрной истории России. Но самое важное заключалось в том, что разработанная «аграрная» концепция кооперации была ориентирована на сохранение творческого характера крестьянского труда.

После победы большевистской революции А.В. Чаянов предложил свой план

кооперативной – в отличие от административной – коллективизации сельского хозяйства [9]. Этот проект был отвергнут большевистскими вождями, что вполне ожидаемо. В программе ученого, как альтернативной коллективизации и раскрестьяниванию, реально не оставалось места большевистской партии, роль которой грозила постепенно сойти на нет. Однако отвергнутые на родине идеи русского ученого стали успешно применяться в других странах, в частности в Индии и Китае, где они, трансформировавшись и соединившись с учениями местных экономистов, способствовали подъему сельского хозяйства. На вооружение были взяты, в первую очередь, идеи многоуровневой экономики, гибких хозяйственных связей индивидуальных крестьянских хозяйств, объединяющих их в кооперативы разного уровня и профиля.

Похоже, то, что сейчас происходит в Индии и Китае – великих крестьянских державах, овладевших индустриальной мощью и сумевших при этом сохранить национальные основы жизни, позволяет отождествлять нынешнее столетие с возрождением крестьянских цивилизаций. Об этом свидетельствуют не только количественные показатели экономик двух восточных гигантов, но и качественные характеристики. Они-то и убеждают, что достижения крестьянских цивилизаций Китая и Индии окажутся прочными, мало зависящими от колебаний мировой конъюнктуры. Возможно, сбудется главное пророчество А.В. Чаянова, и крестьянские цивилизации определяют характер будущего общества.

Интересная мысль в этом плане высказана современным российским философом Н.Н. Зарубиной: «Это вовсе не означает отрицания «современности»: космоцентрическая парадигма культуры присуща и явившей миру «экономическое чудо» Японии, и интенсивно развивающемуся Китаю. Предпосылкой этих «чудес» является как раз принятие той безусловной истины, что ориентация на труд как неотъемлемую часть бытия продуктивнее, чем простое материальное стимулирование. Восток сегодня дает миру образ «другой современности», насыщая отрицание западного «модерна» не иррациональностью, демобилизацией и нравственным реляти-

визмом, а иными смыслами. Альтернативная парадигма постмодерна делает акцент на решении глобальных проблем и проблем каждого отдельного региона, каждой страны, каждого человека через принятие целостности социального и природного космоса, в котором каждый занимает свое место и выполняет свое жизненное предназначение. Именно в такой духовной среде архетипический «пахарь» обретает современные роли и новую жизнь» [10, с. 162].

ДВИЖЕНИЕ ПО ЧУЖИМ РЕЛЬСАМ

При социализме судьба крестьянства как автономного, неотчуждаемого труженика на родной земле оказалась безысходно трагичной. Наиболее точный, как нам представляется, диагноз ситуации сводится к тому, что в послереволюционной России произошло резкое столкновение крестьянской культуры с технократической идеологией административно-командной системы.

Дело в том, что победившие в России большевики не просто позаимствовали рожденную на Западе идеологию прогрессизма и технократический подход к миру, но и предельно абсолютизировали их, довели до крайнего предела, до абсурда. В сущности, они предприняли беспрецедентную для того времени практическую попытку навязать естественно-историческому развитию общества искусственно рациональный проект, «строить» светлое будущее на основе изначально детализированного плана, подобно тому, как это имеет место при строительстве домов, заводов и фабрик. В этом их устремлении проявился характерный для многих утопий своеобразный инженерный подход к общественной жизни, поставивший, по сути дела, знак равенства между социальными и чисто техническими процессами. Согласно такому подходу общество – это некий «механизм» (машина), а отдельный человек – «винтик», который сам по себе не имеет никакой ценности и поэтому в любой момент может быть заменен другим таким же «винтиком».

Сторонники технократической идеологии противопоставляли всему органическому, традиционному искусственно созданное, техническое (не случайно крестьянская культура и быт вызывали у них особую

неприязнь и озлобление). Их основной движущей силой была утопическая вера в возможность создания на расчищенном от всяких наслоений «проклятого прошлого» месте «правильного», «симметричного», подобного часовому механизму отрегулированного общественного устройства.

Идеей тотальной технической реконструкции не только вдохновлялся преобразовательный энтузиазм, направленный на перевосоздание окружающей среды – от архитектурных сооружений до строительства грандиозных каналов, но и в немалой степени обосновывалась коренная, связанная с насилием громадного масштаба «ломка» социальной структуры общества («переворачивание мира»). При этом следует подчеркнуть, что технократической ориентации были привержены не только многие представители новоявленного аппарата управления, претендовавшие на роль «подлинных носителей» социалистических ценностей и идеалов, но и многочисленные деятели литературы и искусства, авангардисты, воспевавшие образ «общества-машины». М. Горький, например, полагал, что «тяжелые, странные люди», живущие в деревне, скоро вымрут, а хлеб научатся выращивать в лабораториях. В то время имела распространение идея о создании «фабрик хлеба и мяса». Такие интенции за последующие 70 лет после революции привели, в конце концов, к разрушению именно тех структур, которые составляли основу русского общества и его мировоззрения.

Большевики первого, комиссарского призыва мыслили себя полпредами передовой механико-технической цивилизации, заброшенными в культурно чуждую им стихию крестьянской страны. Неудивительно, что репрессии большевистского режима не только не прекратились после того, как эксплуататорские классы – буржуазия и помещики – были поголовно истреблены или изгнаны, но, напротив, приобрели тотально-массовый характер. Всякий, кто познакомится с работами В.И. Ленина, написанными после Гражданской войны, может найти этому документальное подтверждение. Ленин в них прямо говорит о предстоящей войне с крестьянством как главном этапе социалистической революции.

В свете сказанного никак нельзя согласиться с теми исследователями, которые, ссылаясь на патриархальную психологию и царистские настроения крестьянства, видят в нем главную или одну из главных сил, приведших к формированию тоталитарной системы в Советском Союзе. Это явное заблуждение. В действительности из всех социальных сил тогдашнего российского общества патриархальное крестьянство было наиболее последовательным антагонистом тоталитаризма. Крестьянин, стремящийся к самостоятельности, не мог быть опорой командно-административной системы, больше всего опасавшейся экономической самостоятельности тружеников города и деревни. Если бы тоталитаризм был каким-либо продолжением общинного уклада жизни крестьянства, то он бы шел в свое

Ю.П. Кугач.
«Из недавнего
прошлого
(Раскулачивание)».
Конец 1980-х годов

время из деревни в город, из провинции к центру, но мы-то хорошо знаем, что все происходило как раз наоборот. И если уж говорить о крестьянстве как какой-то существенной силе, способствующей становлению общества тоталитарного типа, то, прежде всего, нужно вести речь о маргиналах, которые, уходя в город и там подвергаясь мощной обработке сознания, утрачивали свое прежнее качество, отрекались от всего, что было характерно для их предков.

Следует особо подчеркнуть, что мысль о неизбежном закономерном исчезновении крестьянства в связи с проникновением научно-технического прогресса в сельскохозяйственное производство и национализации сельскохозяйственных земель изначально была присуща марксизму. Согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, земледелие, как и промышленность, уже достигло

такого уровня развития, что требовался немедленный переход в руки всего общества [11, с. 523; 12, с. 346–347].

Результатом реализации этих идей на практике стал глубинный цивилизационный слом, разрушение культурной основы, вокруг которой формировалась деревня как социальная и хозяйственная единица, уничтожение целого мироощущения, с которым человек традиционной культуры связывал все свои надежды и упования.

«Здесь взрыв, – пишет в своей статье «Оборванная нить» К. Мяло, – снятие и геологических, и исторических пород, резко, непримиримо противостоит принципу роста, приращения и, как уже говорилось, в несовместимости двух начал (космоцентризма и технократизма. – Ч. К.) кроются многие истоки не только пережитой деревней в годы «великого перелома» трагедии, но и по-своему не менее драматичного ее разрушения в 60–70-е годы...» [13, с. 255].

В реальной истории получилось так, что для осуществления технократической утопии, построения общества-машины были опробованы два пути развития: капиталистический и социалистический, которые в самом главном оказались идентичными. По сути дела, большевистская Россия отказалась от собственного, неподражаемого проекта развития и приняла западный проект. Наиболее глубокий и трагичный для советского общества смысл «великого перелома» состоял в том, что он окончательно «столкнул Россию на движение «по чужим рельсам» [14, с. 127]. Отказ от своего пути, потеря духовной независимости привели Советский Союз в конце 80-х – начале 90-х годов к потере политической и экономической независимости. Такова историческая плата за подражательство и эпигонство.

Но что особенно интересно, даже прокатившийся по Советскому Союзу каток «перестройки», которую теперь справедливо называют «катастрофкой», не смог до конца разрушить крестьянскую трудовую мотивацию, ментальность и сознание земледельца. В тот период в крестьянский трудовой архетип вписались те люди, которые на своих плечах выносили бремя поддержания жизни в хозяйствах стран СНГ, были готовы выходить на работу даже тогда, когда им совсем не платили зарплату, когда все бы-

ло обесмыслено бесконечно деструктивными, тупиковыми трансформациями устоявшегося жизненного уклада. Казалось бы, такому типу людей, для которых труд является неотъемлемой составляющей личной идентичности, которые дисциплинированы и аскетичны, автохтонны и антиглобальны, нет места в потребительской цивилизации постмодерна. Но они, как ни удивительно, обнаружались. В принципе, от выживания такого типа людей – не только в физическом, но и в культурном смысле – зависит выживание человечества.

Что же обуславливает устойчивость данного типа людей даже в самых драматических исторических ситуациях, даже в той социокультурной среде, где им, казалось бы, нет места по определению? Как этому человеческому типу удастся сохраниться в эпоху, когда безусловно доминируют «архетипы пролетария», стремящегося избавиться от отчужденного труда и мечтающего о беззаботном потреблении и развлечениях; «воина», живущего набегом, грабежом того, что создали другие; «купца-авантюриста» – глобального пирата, не знающего родной почвы, чести, совести, стремящегося лишь к богатству любой ценой» [10, с. 162].

«Обнадеживающий парадокс, открывшийся нам в российской истории последних лет, – пишет Н.Н. Зарубина, – состоит в том, что фактически разоренная и разрушенная новыми «купцами-авантюристами» отечественная промышленность, а также наука, медицина, культура, образование и т.д. не умерли окончательно только потому, что работающие там люди сохранили, каким-то чудом пронесли через дебри коммунистической и либеральной утилитаристской пропаганды неутилитарную мотивацию труда. Они работают потому, что ими движет этика долга, воспринятая от космоцентричных духовных основ православной крестьянской России, потому, что они дорожат своей личностной идентичностью, неотъемлемой частью которой

П.Н. Филонov.
«Крестьянская
семья». 1914 год

является профессия и профессиональный труд, потому что они не могут променять ее на потребительские блага, обещаемые авантюристским бизнесом.

Здесь заработал древний архетип работника-«пахаря», с которым в культуре человечества связан феномен бескорыстного и безвозмездного труда. Труд «пахаря» не является результатом внешнего принуждения (голодом или силой), но он и не есть игра, занятие «в свое удовольствие», которую бросают, как только пропадет интерес. В отличие от работающего только за вознаграждение архетипического «пролетария», «пахарь» отдает своему делу (в любой профессиональной области) все силы не только ради реальных плодов, но и потому, что чувствует себя неотъемлемым участником космического таинства возрождения жизни, со-работником Бога, столпом общества, без которого все рухнет» [10, с. 154–155].

Тайна устойчивости архетипа «пахаря» коренится в невозможности человеческого существования в ситуации полного вытеснения из сознания людей космоцентрической картины мира, тотального отказа от этики служения, бескорыстия человеческих чувств и поступков.

(Окончание следует). ▮

ЛИТЕРАТУРА

1. Панарин, А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке / А.С. Панарин. – М., 1998.
2. Белов, В.И. Лад / В.И. Белов. – М., 1982.
3. Успенский, Г.И. Власть земли / Г.И. Успенский. – М., 1988.
4. Платонов, О.А. Русский труд / О.А. Платонов. – М., 1991.
5. Шафаревич, И.Р. Зачем России Запад? / И.Р. Шафаревич. – М., 2005.
6. Казинцев, А. Дао тун: О Китае с завистью и любовью / А. Казинцев // Наш современник. – 2000. – № 10. – С. 237–268.
7. Белоцерковский, В.В. Россия и капитализм / В.В. Белоцерковский // Свободная мысль. – 1999. – № 1.
8. Чаянов, А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации / А.В. Чаянов. – М., 1991.
9. Фигуровская, Н. Учение А.В. Чаянова о сельскохозяйственной кооперации / Н. Фигуровская, А. Глаголев, Ю. Давыдов // Чаянов, А.В. Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации / А.В. Чаянов. – М., 1991.
10. Зарубина, Н.Н. Кто будет работать в России / Н.Н. Зарубина // Москва. – 2003. – № 4.
11. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 22.
12. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 17.
13. Мяло, К. Оборванная нить. Крестьянская культура и культурная революция / К. Мяло // Новый мир. – 1988. – № 8.
14. Шафаревич, И.Р. Русский народ в битве цивилизаций / И.Р. Шафаревич. – М., 2004.